

ЗА ПОЛТОРА десятка лет опубликовала «Звезда» тысяч моих материалов о солдатах из Кабардино-Балкарии, а в записной книжке появляются новые и новые имена.

Рассказ одного из них, Мурадина Джахфаровича Тхапкова, был написан еще в начале 70-х годов, после его поездки по местам боев 1941–1943 годов, посещения Мемориального сквера в Матвеевом Кургане, где покоятся его боевые товарищи. Будто чувствовал, что жить осталось немного (он умер в 1973-м), и простился с боевой юностью.

Много оттепелей пережили на Южном фронте, о каких поется в знаменитой песне «Давай закурим», Мурадин, поскольку воевал здесь и осень 41-го, и зиму, весну и лето 42-го. Читаю в блокноте: «Ростов, Аксай, Чалтырь, Большая Кирсановка, Анастасевка, Капань, Самбек, Азов, Таганрог, Пешково...» Но чаще всего — Матвеев Курган.. И в коротких записях: «Отметить, что самые тяжелые бои — в районе Матвеева Кургана».

Конечно, на первом месте — номер части: воевал он в составе 68-й морской стрелковой бригады. Подчеркнуто слово «морская». Дело в том, что сформировалась она в Пятигорске из партийно-комсомольского актива Ставропольского края, известного своим степным безводьем, и горских республик Центрального Кавказа, где рек и ручьев множество. Однако они так бурны, что в них подчас не только искупаться, но и руку опустить страшно.

Сам Мурадин, к примеру, родился в старинном кабардинском селении Каменномостское, в ущелье, где слияются Малка с Кич малкой, образуя такой коловорот, что человека много

Бойцы вспоминают минувшие дни

„И НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ ОТТЕПЕЛЬ ОПЯТЬ...“

венно закрутит и разобьет о камни.

Еще одна запись: «В бригаде несколько десятков кабардинцев, членов ВКП(б) и ВЛКСМ: Америк Шериев из Каменномостского, Ахмед Ульбашев из Гундемина, Заракуш Абазов из Кызбуруна II, Хабил Тлепшев из Кызбуруна III, Осман Озов из Малки и другие». Дальше: «Мурадин стал членом ВКП(б) перед самой войной, в июне 1941-го, по профессии учитель».

...Изнурительный марш. Злой, колючий ветер. Пробивает до костей, хлещет по глазам. Кажется, от пуль нет такого «беспокойства», как от этого колкого ветра. Роты выбирают лошади, овражки, чтоб хоть чуть притупить его дикие наскоки..

А вот они за Матвеевым

Курганом, близ Миуса. Нужно его перейти и развить наступление на Анастасевку и Екатериновку. Но как перейти, если роты обескровлены, боеприпасов кот наплакал, а подвоза почти нет, глубокий снег

под вечер, когда огневая «перебранка» затихала, и развлекаться игрой на аккордеоне и нескольких губных гармошках. Просто зов какой-то. Парторг сообщал, как поднимет дух бойцов разгром этого «ор-

из-за оттепели сел, машины буксуют, да и пехота, в набухших шинелях и сочащихся водой валенках, едва-едва движется.

Но приказ есть приказ, и бойцы 68-й отдельной бригады бросились на рыхлый, ненадежный лед. А потом и во второй раз, и в третий, и в десятый... Почти каждый день. И в мороз, и в оттепель. И с наступлением весны, и летом..

Фронт стоял, а бои не стихали. Грамотного (в ту пору солдаты со средним специальным образованием были редкостью) Тхапокова назначили старшим писарем бригадного артдивизиона и парторгом. Но он не сидел сиднем в штабной землянке. Особенно прогремел на всю бригаду вот этот эпизод..

В один из блиндажей повадились немцы собираться

кестра». Несколько дней он изучал каждый метр, ведущий к «музыкальному салону» — и нашел путь, каким незаметно можно ползти к нему. Ползели втроем: сам Мурадин, Осман Озов и Иван Смирнов, нагрузившись по ноздри противотанковыми килограммовыми «толкушками», мощными ребристыми «феньками», и легкими, рассчитанными больше на испуг «эргешками». От блиндажа одно воспоминание осталось:

Скупое, очень скупое награждали в пору отступления и обороны. Тхапоков тогда, у Матвеева Кургана, стал орденосцем.

В. РЯЗАНОВ,
гвардии капитан в отставке, инвадид Отечественной войны,